

ГУДОК
г. Москва

17 СЕН 1986

В «ГУДКОВСКОМ КУПЕ»

Георгий ДАНЕЛИЯ:

«Отправляюсь в Кин-Дза-Дза»

Он сел в поезд, едва родившись. Семья Данелия с сыном Георгием отправлялась из Тбилиси в Москву, чтобы остаться там навсегда. Молодых супругов провожала родная тетка Георгия, знаменитая грузинская актриса Верико Анджапаридзе — мать Софико Чиаурели, которой тогда еще и на свете не было.

С тех пор прошло более полувека. И, кто знает, какие отношения сложились бы у Георгия Данелии с железной дорогой, не стань он кинорежиссером.

— Если бы люди и поезда могли быть родственниками, то я считал бы, что поезд — мой родной брат. Около тридцати лет я снимаю кино и за это время исколесил всю страну. Стук колес снится мне по ночам. Иногда собственный кабинет представляется чем-то вроде купе...

Так говорил автор фильма «Не горюй» (ленты, приключенной к мировым киношедеврам), когда отправлялся в далекие Каракумы на съемки своей новой картины «Космическая пыль». Случайно оказавшись на Казанском вокзале в числе провожающих, я тогда еще не знал, что такое взять интервью у Георгия Данелии.

«У него лицо такое, что не всякий решится подойти, — лицо человека из горных ущелий, — заметил как-то драматург Александр Володин. И добавил: «Когда он недоволен собой, а это бывает нередко, то испытывает антипатию даже к телефонным звонкам».

Он сидит за монтажным столом рядом со своей неизменной помощницей Татьяной Егорычевой. Предупреждает, не оборачиваясь: — Могу уделить не более получаса.

— Но ведь фильм уже снят!

— Сняты 18 тысяч метров пленки... Жарко... Вы сегодня в реке купались?

— Купался.

— Вот видите, — мрачно торжествует Данелия. — Значит, у вас есть время. А нам с Таней его категорически не хватает. Монтируем, как в лихорадке.

Монтажница Егорычева сидит ко мне спиной, но я чувствую, как она улыбается. На миниатюрном экране бегут кадры: распаивается

лифт, из лифта выходит бо-сой Евгений Леонов с вен-ком ромашек на голове...

— Стоп! — обрывает Данелия.

Увлекает меня из монтажной на лестницу, закуривает и, облокотясь на перила, размышляет:

— Это человек рождается один раз. А фильм рождается трижды: первый раз в голове, второй — на съемочной площадке, но главное его рождение в монтажной. В тишине и полумраке этих тесных комнаток изменяются сюжеты картин, характеры персонажей, восторженные эпизоды выходят на первый план... Быть может, то же самое произойдет и в нашем фильме. Сняты 18 тысяч метров пленки — останутся 3.600. И только тогда можно будет считать, что «Кин-Дза-Дза» существует.

— Вы имеете в виду «Космическую пыль», — поправляю я.

— Я имею в виду «Кин-Дза-Дза», — упрямо заявляет Данелия. — Так будет называться картина, когда она выйдет на экран.

Я озадачен. Так назывался сценарий Реваза Габриадзе. Но в процессе создания картины названия ее часто менялись...

— Что же все-таки означает «Кин-Дза-Дза»?

— Это имя загадочной планеты, на которую самым необыкновенным образом попадают два обыкновенных советских гражданина.

— И что же с ними там происходит? — интересуюсь я, надеясь заодно выведать и сюжет, который тоже держится в глубокой тайне.

— А вот этого я вам не открою... Скажу только одно: гости неизвестной планеты попадают в чудовищный мир. В общество, некогда цивилизованное, но нынче дошедшее до полного маразма. В этом обществе начисто отсутствуют этика, совесть, нравственность...

— Позвольте, — удивляюсь я. — Но ведь ваш новый фильм — комедия?

— Будет смеяться — значит комедия, — пожимает плечами Данелия. — Не скажу о Евгении Леонове, но лично у меня не было намерения посмеить публику. Я всегда ставил серьезные фильмы. Но вот беда: что бы ни предпринимал, они в конце концов все равно становились комедиями.

Я думаю о том, что в судьбе этого удивительного человека было немало превратностей. Например, учился на архитектора, а стал кинорежиссером. Пытался серьезно рисовать, но ри-

сунки выходили потешные и грустные. Сочинял стихи, но вместо элегий и сонетов выходили эпиграммы на... самого себя: «Мы самоеды, себя грызущие, вам наши беды потехи сущие... Мы самоеды, стыдась, скорбя, не жрем соседей — едим себя». В этих строчках, не предназначенных для печати, Данелия открывает себя гораздо больше, чем во всем, что написано о нем другими.

— Как вы определяете, что картина удалась?

— Тем, сколько времени могу не курить. Если в данном случае дотерплю хотя бы до середины второй серии, буду считать, что все в порядке. Правда, бывает, что и я ошибаюсь. На просмотре «Мимино» не выдержал, ушел курить через десять минут, а зрителям, даже специалистам, фильм понравился.

Полгода, с мая по сентябрь, съемочная группа «Кин-Дза-Дза» провела под яростным солнцем, в раскаленных песках пустыни, снимая там жизнь инопланетян.

— Пришлось-таки попотеть, — усмехается режиссер. — Плюс 45 в тени! Любшин, Леонов, Яковлев, снимавшиеся в главных ролях, шутили, что запасаются теплом на всю оставшуюся жизнь... Плюс фантастика! Ее ведь в магазине не купишь, в ателье не сошьешь. Все, что мы пошили для инопланетян в Москве, по прибытии на «планету» оказалось под вопросом. Пришлось эти костюмы сочинять заново. Но и это не самое трудное. Труднее всего было во что бы то ни стало поверить: то, что мы снимаем, происходит на другой планете. Но...

Данелия делает паузу: — ...Может произойти и на планете Земля. В нашей картине встречаются люди двух разных миров, находящиеся на различных витках времени и развития. Но разница между ними заключается лишь в том, что одна цивилизация зашла в тупик, другая — еще находится на перекрестке.

— Что даст эта встреча тем и другим?

— Жители «Кин-Дза-Дза», возможно, поймут, что человеческий мир не так уж безнадежен. Что касается землян, они должны со всей ответственностью решить, по какой дороге идти дальше.

Георгий Данелия встает и возвращается к монтажному столу, чтобы продолжить работу над очередной из своих «странных» комедий. Обернувшись, кивает на прощание:

— До встречи... На планете «Кин-Дза-Дза». Только не говорите никому, что туда ходят поезда. Все равно вам никто не поверит.

Л. ЛЕРНЕР.